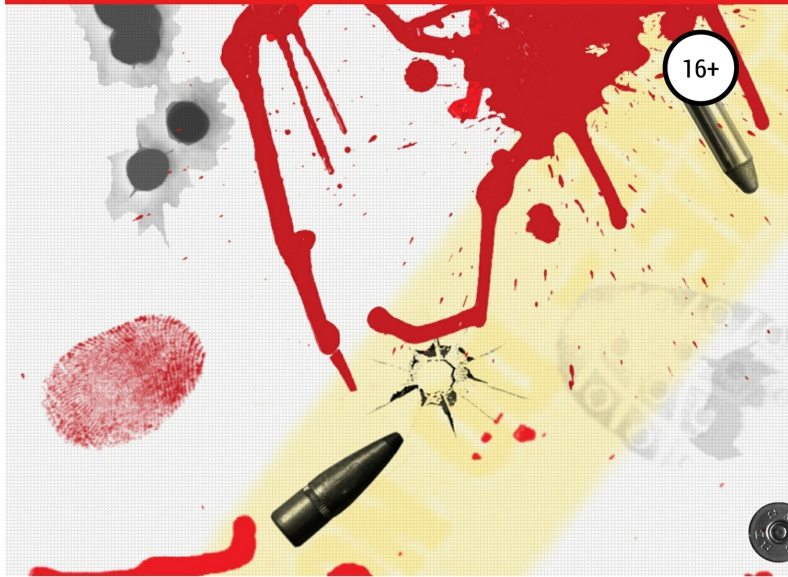

СЕРГЕЙ ЕРМОЛОВ

ПРИНУЖДЕНИЕ К МИРУ

ХРОНИКА НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЫ

Сергей Ермолов

Принуждение к миру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47093015

SelfPub; 2020

Аннотация

Главный герой – военнослужащий российской армии, проходящий службу на военной базе в г. Севастополе. В Севастополе возникают беспорядки и подвергается нападению военная база. Возникает противостояние вооруженных сил Украины и России. Местный конфликт перерастает в вооруженное противостояние двух государств. Главный герой оказывается участником событий на протяжении военных действий от Севастополя до Киева.

Содержание

Предисловие	4
1 Севастополь	5
2	12
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Предисловие

То, что здесь описано, отчасти можно считать плодом моего воображения. Хотя, в общем, события эти происходили на самом деле. Но происходили они не в той последовательности, в которой написаны. Многие я почерпнул из своих воспоминаний, некоторые вещи из рассказов пацанов с других подразделений.

По прошествии времени многие детали, конечно же, стерлись из памяти, и поэтому мне пришлось немного напрячь свое воображение, хотя большого труда это не составляло, потому что я был там. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Моему возможному читателю: притом, что события в этих историях на девять десятых достоверны, пережиты, увидены и услышаны, все же это не документальная книга. Не пытайтесь искать за именами абсолютно конкретных людей.

1 Севастополь

Я неожиданно проснулся среди ночи. Словно меня толкнули изнутри. Разбудить разбудили, а сказать зачем – забыли.

В окне была видна низкая луна, по ее диску медленно двигались рваные облака, вокруг стояла оглушающая тишина и внезапно я понял, что покой этот – обманчив.

На улице шел дождь. Мелкая холодная морось белесой пеленой завесила окна, тонкими струйками сбегала по толстому, особой прочности, стеклу и бесшумно срывалась с подоконника вниз, на такую же холодную и мокрую брусчатку.

Мне отчего-то вдруг очень захотелось прижаться лбом прямо к стеклу и, закрыв глаза, ощутить кожей прохладу идущего на улице дождя. Но сделать этого я не мог. Такой вот парадокс.

Но странное дело, ни малейших угрызений совести или ощущения собственной неправоты я не испытывал— наоборот, на душе отчего-то было хорошо.

Это только кажется, что ночь – время полной тишины и безмятежного покоя. Ночь полна звуков: шума дождевых капель, шагов, шорохов, завываний ветра, невнятных отголосков чьих-то стонов, и наполнена жизнью, пусть и не всегда нормальной. А еще она пропитана страхом, тяжелыми запа-

хами и влагой.

Особенно влагой. Влага висит в воздухе мелкими каплями дождя, оседает на одежде тонкой пленкой маслянистого конденсата, стекает мелкими каплями по лицу, смешивается с трудовым потом и оставляет солоноватый привкус на губах.

Старательно прислушавшись к своему самочувствию, я пришел к выводу, что оно связано с опасностью, более того – с угрозой жизни. Не знаю, почему я так решил. Раньше никогда ничего подобного я не чувствовал. Однако именно сейчас я был уверен, что не ошибаюсь.

Холодную войну проиграли, Союз развалился, а тут еще Украина.

Украина – место странное и очень опасное, но еще больше противоречивое. В такие моменты будто попадаешь в другую вселенную, где не работают никакие известные тебе законы и правила. Хорошо, что это лишь моменты, но плохо, что выпадают они, как назло, когда жизненно важно сосредоточиться на деле.

Утро. Канцелярия. Смотрим со старшиной новости по телевизору. Желаете познать мир? Что может быть проще?! Просто переключайте каналы телевизора. Щелк. Щелк. Щелк.

Нигде не задерживаясь. Не останавливаясь на рекламу. Не вдумываясь.

Переключайте каналы.

Вы ловите обрывки фраз. Куски предложений. Обрывки

смысла.

Замелькали кадры о дне независимости Украины. Парад, бронетранспортёры натовские едут, солдаты в парадных коробках, одетые в даренную, с барского плеча, форму. Украина теперь западная страна, она в НАТО стучится.

В ночь была обстреляна воинская часть. Причем любопытно, как это происходило. Артиллерийский склад располагался в пятидесяти метрах от дороги. Неизвестные на машинах ездили по ней челночным методом и из автоматов обстреливали КПП и забор части. Продолжалось это около часа, пока из части не ответили пулеметным огнем, и не расстреляли одну легковую машину. В итоге она взорвалась и горела до утра.

В эту же ночь было нападение на второй караул. Перестрелка длилась минут пять. У нас был ранен один солдат. Но ранен легко, можно сказать, что пуля просто прикоснулась к его щеке. А если бы пару сантиметров правее?..

Неизвестные лица начали бросать камни через забор на территорию части. Это происходило в районе поста, где хранилась техника. Часовой сделал предупредительный выстрел. И после этого в его сторону бросили гранату. Солдат получил осколочное ранение.

В ту же ночь были усилены караулы и опять назначены патрули по жилому городку.

Крупнокалиберный пулемет – убедительный аргумент, но танки еще убедительней.

Сигарета обожгла пальцы, я бросил ее в костер и запылил новую. Несмотря на грустные мысли мне было спокойно, словно я дошел до какой-то точки в своей жизни, после которой все известно наперед и волноваться больше не о чем.

Закурил.

Дерьмо, конечно. В армии хороших сигарет никогда не бывало.

На площадке бойцы азартно рылись в одежде, набирали полные комплекты оружия, набивали магазины патронами.

Когда аргументы исчерпаны – стреляй в упор, чтобы не промахнуться.

Тут никто не понимал, что происходит, кто с кем и против кого воюет. Неприятностей ждали со всех сторон сразу. А потому военные наглухо закрылись и заняли круговую оборону.

Солдат заблокировали на их же форпосте и теперь методично расстреливали, как мишени на полигоне. А им оставалось лишь пытаться вырваться из котла, паля наобум во все стороны, в то время как враг стрелял редко, но метко.

Я взял на себя дежурство в промежутке между тремя и пятью часами. Самый тяжелый момент ночи, несколько часов до утра. Становится холодно, словно последние заслоны тепла, которые всю ночь охраняли тебя, вдруг пали перед превосходящими силами противника и ты остался один на один с холодом ночи.

Боги, даже романтика какая-то милитаристская.

Я поежился. Странно, Крым, а по утрам холодно. Хотя это только кажется. Нормальная температура, просто за день тело привыкло к пеклу.

Пошел дождь, сильный и теплый. Он барабанил по моей непокрытой голове, и через секунду я промок до нитки.

Мысли заставляли ежиться сильнее, чем от насквозь промокшей одежды. Я привык, что всем, с кем сталкивался в жизни, было наплевать на меня; привык занимать глухую оборону, был готов дать отпор. По-другому было просто не выжить.

Нас с отрядом спецназа переместили поближе к воротам. Если часть будут штурмовать, то обязательно полезут через ворота. Через дорогу начинались дома, и во дворах изредка проскакивали пунктирные линии очередей. С каждой минутой звуки выстрелов приближались.

Около десятка офицеров и солдат столпились возле ворот. Некоторые взобрались на пригорок, чтобы получше разглядеть окраинные дома. Большинство из них, за исключением наряда КПП, были без оружия. Российских домашние ссоры украинцев не касались.

На дороге появился танк без опознавательных знаков. Куда и зачем он ехал – непонятно. Проезжая мимо КПП, он отвернул башню в сторону города и выстрелил. Рухнул чей-то домик.

Военные оцепенели. Каждый присутствующий вдруг осознал, что с такой же легкостью танк мог шархнуть и по ка-

муфляжной толпе возле КПП.

Все бросились врассыпную. Кто-то побежал выводить бронетехнику из парка. Кто-то командовал «в ружье!» и сам натягивал бронежилет с каской. Вполне возможно, в округе бегал не один безумный танк. Вся техника рассредоточилась по периметру части в обороне.

За ангарами послышалась беспорядочная стрельба, несколько взрывов, затем снова стрельба, уже не такая плотная, и наконец, раздался финальный, мощный взрыв.

Стрельба все усиливалась и, кажется, приближалась, причем очень быстро, буквально по минутам. Вдали показались бегущие по улице люди. Их лица были искажены страхом и волнением. Они кричали, что стреляют уже в районе исполкома, что на улице находится опасно.

Ночью просыпался. Не открывая глаз, протягивал руку, безошибочно, с первого раза находя цевье, и засыпал опять. Снов не было.

Следовать одному из главных принципов жизни: спи с автоматом, ешь с автоматом и в сортир ходи тоже с автоматом. Оружие являлось в этих краях той ношей, что никогда не оттягивала плечи. Или то, что нельзя бросать автомат даже тогда, когда ты тонешь...

А потом на город обрушилась настоящая война. Непрерывный стрекот стрельбы; грохот самолетов; жуткий вой и шелест в небе; взрывы, сливающиеся в один мощный ровный гул; постоянно дрожащий, как от землетрясения, и подпры-

гибающий от близких попаданий дом.

2

Пока знаю точно: война началась, причём, как это не при-
скорбно для большей части окружающих, без нас. Ничего,
навоеваться успеем. Даже сверх всякой меры.

Среди ребят идёт разговор о предполагаемой продолжи-
тельности – оценки расходятся от недели до полугода. На
мой взгляд, обе крайности смешны – на самом деле что-то
около трёх-четырёх месяцев. Мысль, что убьют, не задержи-
вается в головах дольше пяти секунд, которые требуются,
чтобы посмеяться над неожиданной, но абсолютно бредовой
шуткой.

России не привыкать наводить порядок в мире. В сере-
дине прошлого века мы это сделали, и сделали успешно.

Лента новостей.

**Севастополь считается пешкой в игре, цель кото-
рой затянуть Украину и других своих соседей обратно
в собственную сферу влияния.**

Утром центр города представлял собой печальное зрели-
ще: сожженные кафе и магазины, дома испещренные пуля-
ми. Улицы опустели – жители, как украинцы, так и мусуль-
мане в страхе сидели по своим домам. Многие спешно по-

кидали город. В городе выясняют отношения полувоенные формирования националистов и у армии недостаточно сил, чтобы положить этому конец.

Ведь можно же было военному и политическому руководству как-то договориться, идти на какие-то взаимные уступки. Но, к сожалению никто, из противостоящих об этом не задумывался. И когда наши товарищи стали гибнуть и получать ранения, тогда нельзя уже было держать закипевшую ненависть к врагу. Тогда уже каждый из нас четко определил для себя: впереди враг и он убивает. Тогда все говорили лишь одно. Глаз за глаз, зуб за зуб. Никакой пощады, никакого милосердия. Кто не с нами тот против нас.

На подступах к городу ведутся ожесточенные бои. Правительственные войска широко применяют штурмовую авиацию, наносящую ракетно-бомбовые удары.

Короткая команда: "Пли!" – легко перечеркнет все либеральные бесконечные сюсюканья.

Тяжелые уличные бои в ведутся в пределах городской черты города Ялта. Имеются многочисленные жертвы среди мирного населения. Повстанцы бьют из минометов по жилым кварталам. Корабли украинского Черноморского Флота и авиация нанесли мощные огневые удары по позициям боевиков. Полностью разрушено селение Услон, превращенное в укрепленный район. Выбитые из Ялты мятежники отступают, бросая оружие и раненых. Вертолеты расстреливают бегущих.

При попытке арестовать зачинщиков массовых беспорядков милиция и спецназ встретили вооруженное сопротивление. Автоматным огнем боевиков убито 6 и ранено 19 сотрудников правоохранительных органов. К месту столкновения были подтянуты подкрепления внутренних войск и бронетехника, которым лишь к вечеру удалось подавить сопротивление. Милиция арестовала несколько десятков хулиганов.

В половине первого выступил мэр Севастополя, сказавший, что в уличных схватках погибло не менее двухсот горожан, а в результате дорожных аварий сгорели сотни автомобилей, также имеются жертвы и нанесен большой ущерб муниципальной собственности.

Лента новостей.

Город практически полностью разрушен, отключено электричество и существует острая нехватка воды, не работает стационарная телефонная связь. Мобильная связь также скоро прекратит работу, так как заряжать сотовые телефоны негде.

Глухой ропот возмущенной толпы мы услышали еще за два квартала, благоразумие настойчиво советовало обойти место, где в такое время собралось отчего-то столь много народа, любопытство толкало навстречу неизвестности. Осторожно скользя вдоль самых стен домов, приблизились к пло-

щади и, выглянув из-за угла, оказались всего в нескольких метрах от спин людей заполнивших собой ее всю. Большая и шумная толпа, заполнившая центральную площадь Севастополя, состояла главным образом из юнцов и потрепанного вида мужчин неопределенного возраста.

Какие-то кандидаты в пушечное мясо, вооруженные прутьями из арматуры, стояли возле машин. Под боком разворачивались события, которые быть может перевернут мир, а люди проявляли достойное спокойствие. Естественно, что многие из брошенных в пекло практически не знали, на что они идут, но верили в то, что успела им вбить националистическая пропаганда. Отрезвление в такой ситуации способны были принести только кровь и смерть.

Постепенно становилось ясно, что власти больше не способны контролировать ситуацию в городе. Администрация была охвачена паникой.

Лента новостей.

Президент Украины в ходе обращения к нации рассказал о своем видении ситуации в зоне конфликта и объявил о всеобщей мобилизации резервистов.

Однако на улицах находились не только бронетранспортеры полиции и горящие автомобили перепуганных граждан. В самом центре кровавой суматохи желтел приметный мик-

роавтобус с эмблемой «CNN» на бортах.

Севастополь заволакивали дымы пожаров. На улицах гремели выстрелы. Чадили подожженные автомобили. Улицы были усеяны осколками разбитых стекол. Кто-то в панике бежал, бросая имущество на волю разбушевавшейся толпе. Люди всех возрастов упоенно грабили супермаркеты, вынося из них товары охапками. Многие подъезжали грабить на автомобилях. Багажники и кабины набивались бытовой техникой и электроникой, едой и автозапчастями, парфюмерией и оружием.

Уже вечером на улицы вывалили многотысячные толпы. Полетели камни. Через несколько часов город превратился в ад. Происходящее напоминало гражданскую войну.

Лента новостей.

Украинские войска отступают из Севастополь

Украинские военные начали отступать из Севастополя. В настоящее время в сторону Севастополь движется колонна российских танков.

Правительство оказывает посильное содействие, сейчас они организуют лагеря для беженцев.

По нашей информации, за последние сутки Севастополь покинули около пятидесяти тысяч мирных жителей.

Все время в городе шла перестрелка. Она то яростно вспыхивала, то ненадолго прекращалась. Постоянно рвались снаряды. Со всех высотных зданий били снайперы. Три-четыре бронированные машины время от времени выскакивали на площадь, обстреливали и затем шли вокруг, осыпая пулями и снарядами не только нашу часть, но и всех мирных жителей, укрывшихся за стенами своих домов. Стоящей рядом церкви тоже досталось. Один из снарядов влетел в крестильню, отвалился кусок стены.

Лента новостей.

Министр национальной обороны Украины заявил, что национальная армия не применяла военную авиацию в Севастополе и все заявления об этом являются выдумкой.

Спустя некоторое время министр национальной обороны под давлением неопровержимых фактов был вынужден признать применение боевой авиации, но с разведывательными целями.

Под вечер слышали шум дальнего боя, а затем грохот тяжелой техники. Увидели, что на площадь перед исполкомом выезжает танк. Мы приготовились его подбить, договорившись, кто стреляет в бок, кто куда. Танк шел и лупил из пулемета вдоль улицы. До поворота пару раз ударила его пушка. Вдруг один из наших бойцов закричал, что танк с фла-

гом! С российским! Танк проскочил вперед, а затем вернулся назад, хотя его пушка смотрела все в ту же сторону.

Лента новостей.

Колонна российской бронетехники вошла в Севастополь. Ранее Украина пригрозила России войной в случае, если информация о вводе российской бронетехники на территорию Севастополя подтвердится.

Глупо извиняться, нет правильных решений в высказываниях пацифистов, в последнее время в обилии расплодившихся везде – от домохозяек до политиков. Они не понимают одного – пикетами у правительственных зданий, акциями протеста это сборище тормозит нас. Всё сильнее подталкивает к выводу войск, расшатывает нервы, увеличивает возможность поражения. Нас пожирают изнутри – и самое поганое, ничего нельзя поделаться. Хотя, вру – быстро и победоносно закончить войну. Но не всё так просто.

Может, всё это пахнет фашизмом – плевать, я не любитель развешивать ярлыки. Важно одно – там, по другую сторону – враг. И против него хороши любые методы, а о гуманности как раз сейчас впору забыть. Сейчас – или потом забывать будет просто некому.

Да и не примут местные демократию и гуманизм. Как ни старайся – всё равно пойдут по своему пути. Когда речь идёт о правах человека, и прочих ценностях, можно твёрдо ска-

зять – по названию, права эти принадлежат именно человеку, а не кому-нибудь другому.

Что остаётся? Уподобиться правозащитникам и гуманистам, или всё же забыть про пропагандистскую мишуру, и взяться за работу? Я имею в виду настоящие достижения – в военных целях. Только страх среди местных и тотальный контроль всего и вся помогут взять ситуацию в руки.

Время работает против нас. Мы не можем вести длительную войну, и вовсе не из-за недостатка ресурсов, как Гитлер в середине двадцатого века, а по политическим и общественным причинам.

Остаётся одно – стремительный и мощный удар. Операция продлится не более четырёх месяцев, и поставит точку в войне.

Вот на что делается ставка – и, надо сказать, она весьма велика – намного больше, чем может представить рядовой обыватель – впрочем, большинство пустозвонов, называющих себя политиками, тоже.

Всё максимально понятно – без недоговорок, изящной словесности, которая, как правило, скрывает правду. Нет излишнего гуманизма – на войне все средства хороши.

И, как дико не звучит, я здесь счастлив. Не полностью, конечно, сны и голоса, погибшие друзья не дают покоя. Это работа, тяжёлая и бесконечная, но и на ней осознаёшь своё значение. И – как ни странно, свободу.

Корабли Черноморского флота России – крейсер «Москва», сторожевой корабль «Сметливый», три больших десантных корабля – встали на рейде в Новороссийске и потопили ракетный катер, пытавшийся их атаковать...

А тут еще российские самолеты. Они летали всю ночь, постоянно, и звеньями, и поодиночке, и где-то слышались разрывы из бомб или ракет. И это опять же добавляло масла в огонь. Все в Украине понимали, что такое – вступить в открытое столкновение с российской армией. И все надеялись, что такого столкновения не произойдет. Но авиационные удары уже предполагали, что Россия вступила в конфликт. И никто не знал, выступила или нет сама российская армия. Отсюда слухи и домыслы, отсюда лишняя нервозность, постоянное стрессовое состояние всех военнослужащих, независимо от звания, и, в конце концов – паника...

Просыпаюсь от гортанной немецкой речи во дворе дома. Первая мысль – все, нас взяли в плен!!! Оказывается, появилась западная пресса. ZDF и RTL – первые иностранные журналисты, которых я увидел здесь.

Лента новостей.

Первый канал: Украинская армия захватила центр Севастополь В центре Севастополя продолжаются уличные бои. Как сообщил корреспондент Первого канала с места событий, Украинские войска почти полностью взяли центр города под свой контроль. Также бои идут у базы российских миротворцев.

Завыли сирены; мины зашипели, завизжали, начали рваться; взревели моторы, водители, рванули, круша бордюры и углы домов, торопясь покинуть зону обстрела. Но укрыться было негде, взрывы бухали, казалось, уже по всему городу, и глушили объявления сети гражданской обороны с призывами соблюдать очередность при входе в убежища.

На дороге лежат люди. Кое-где догорает пламя, всюду разбросана экипировка. Стоны тех, кто ещё жив, стволы на асфальте, разбитые машины... Что это? Как это могло про-

изойти? Спрыгиваем с брони. Те, кто может что-то объяснить, говорят отрывками, все в шоке, понять трудно. Но одно ясно точно, – в этой трагедии участниками были только свои! Свои стреляли в своих. Били из гранатомётов, кидали гранаты. Из всего стрелкового... Это была бойня. Куски тел ещё лежат на асфальте. Какие то люди в беретах, что-то там ищут.

Крутнулась башня тяжелой бронированной машины, кажущейся в этом тесном дворике невероятно огромной. Резким, рвущим перепонки стаккато прогрохотала очередь крупнокалиберного пулемета. Тяжелые пули вдребезги разнесли несколько листов шифера. От обнажившихся стропил полетели щепки, а одна из стропилин, будто перебитая гигантской палицей, хрустнула и провалилась вниз.

Да, здесь много домов заселено. Здесь кругом живут люди: женщины и дети. И пули КПВТ действительно способны прошить не одну стену и не одну крышу деревянных или саманных построек. А главное, вряд ли стрелявшие остались дожидаться, когда оцепление стянется в кольцо вокруг этой группы домов, и разъяренные собровцы начнут потрошить весь квартал.

Лента новостей.

Спикер Госдумы РФ заявил, что Россия "не откажется от полномасштабных и оперативных мер, которые потребуются для защиты российских граждан в

регионе и сохранения безопасности на наших южных рубежах в связи с обострением ситуации в Севастополе".

В городе творилось нечто невероятное. И, видимо, не только в городе.

По улицам и переулкам, среди нищих лачуг и больших каменных домов – а в пригороде встречались и такие – как угорелые носились люди. С оружием, без него, голые, одетые. Повсюду господствовала паника.

Дважды нам попадались бэтээры, облепленные визжащими от возбуждения людьми. Трижды нас пытались остановить какие-то типы в рваных обносках, но с автоматами. Причем в последний раз это была явно спланированная за-сада.

Повсюду полыхали пожары; объезжая завалы, колонны меняли маршруты, сталкивались на перекрестках, растекались по переулкам. И приданные бронетранспортеры растворились где-то по дороге. Зато во время движения их машину непонятно кто и откуда обстрелял из легкого оружия, так что правый прожектор разбили, а от кормовой антенны ближней связи остался только изогнутый кронштейн.

С того самого момента, как по колонне открыли огонь с фланга, прямо из домов на набережной, и я запаниковал, услышав царапающие звуки пуль, заплутал в переулках.

Обезумевшие от ужаса люди выбегали из уцелевших до-

мов, вливались в бегущую толпу. Багрово-дымная темнота вспыхивала яростными короткими вспышками. Разрывные пули с сухим треском выбивали из-под ног бетонную крошку. Ручейки толпы растекались между горящих строений.

Оглядываюсь назад, на далекие горящие дома. На кружащие над ними точки вертолетов.

Стрельба нарастала, и на улице стало больше бегущих. Причем бежали они так, что было ясно: пули свистят где-то около них, над головами...

Лента новостей.

Президент Украины "перед всем миром" обвинил РФ в военной агрессии.

Проходим этот участок, никакого сопротивления, только убитые лежат вдоль дороги и в палисадниках, – это не наши. Перебегаем через очередной перекрёсток. Впереди частный сектор, наша улица упирается в него. Останавливаемся и закрепляемся, наша задача выполнена. Подразделения, что шли рядом с нами, тоже вышли на свои позиции. Хочется пить, очень хочется пить.

Пристроился рядом с кучей мусора, это когда-то было половиной дома, сейчас просто какой-то строительный мусор. Выбираю цель. То, что далеко, мне не надо, поближе бы.

Рядом со мной лежал труп, – судя по форме, не ополченец. Половину головы ему снесло, нижняя часть лица ещё

как-то сохранилась, а вот верхней не было. Какое-то месиво, из которого торчали ослепительно белые осколки черепа. Руки раскинуты, правая рука ещё сжимала пистолетную рукоятку автомата. На груди был разгрузочный жилет, из него торчали рожки. Пригодятся мне.

Обрезал застёжки, вытащил так необходимые автоматные рожки. Откатился от тела. Отстегнул флягу, глоток, ещё глоток.

Мы стреляли в невидимого противника в надежде заставить его выдать себя, сменить позицию и укрыться от наших пуль. Видимость такой контратаки есть всегда гарантия атаки скрытой. Опасность всегда представляется в перспективе, как событие, уже произошедшее, она реализуется через последствия – увечья, болезни и смерть.

Нас бросили в дерьмо, а мы пытаемся хорошо пахнуть.

«Как же так бывает?» – подумал я, стоя над телом контрактника. – «Буквально недавно я с ним разговаривал, а вот уже мухи ползают по его глазам. Никак не привыкну». Он опустился на колени и закрыл товарищу веки. Оглянулся, и увидел лицо молодого солдата, по которому градом текли слезы, хотя ни одного звука он не издал.

Город был поквартально разбит по секторам, и подразделения по группам проводили осмотры своих участков. Я шел по разрушенным улицам, дома смотрели на меня выбитыми без стекол, и я ничего не мог понять.

Неожиданно из двери какого-то здания буквально выва-

лил ся солдат и обезумевшими глазами посмотрел на меня. Тут же его скрутил приступ блевотины, он изверг из себя жидкость и что-то глухо замычал, склонившись над землей.

В комнатах мы осматривали все места, где мог спрятаться человек, второпях ломали шкафы и опрокидывали диваны и столы. Закончив с осмотром этой квартиры, перешли к другой, и так этаж за этажом весь подъезд был зачищен. Во многих квартирах до нас уже успели побывать мародеры, поэтому двери у них были уже открыты, а вещи в беспорядке разбросаны. После зачистки все помещения стали одинаковыми.

Проклиная и матеря всех командиров и начальников, первое отделение покинуло двор пятиэтажки и снова вышло в частный сектор. Нам приказали устроить два поста: один в полуразрушенном доме, а второй через дорогу почти на голом месте. Здесь полуразрушенный кирпичный фундамент забора, возвышающийся над землей сантиметров на пятьдесят, служил единственным укрытием. На оборудование поста дали полтора часа.

Я снял свой автомат с предохранителя и лежал, наблюдая за ходом боя, потому что соваться пока не имело смысла.

Другие бойцы на позициях нашли несколько брошенных автоматов. Мы все молча столпились у тела единственного неприятельского убитого. Посреди дороги лежал юноша. Осколок танкового снаряда разворотил ему бедро и желудок, превратив эти части тела в алое месиво. В открытых глазах

застыл ужас.

На улицах ни одного человека. Окна домов большей частью темны, плотно зашторены, но в некоторых нет-нет да и промелькнет блик света. Значит, живые, нормальные люди в этом городе еще остались... Просто те, кто не уехал, попрятались по домам, выжидают, чем все кончится...

Миномётный обстрел, своим свистящим воём летящей с неба смерти, каждый день сводил меня с ума. Это так страшно и неприятно – свист летящей в тебя мины. Свист, плавно переходящий в гул, всегда забивал тело страхом. Страхом ужасной, разрывающей меня на кровавые обрубки, смерти. Умирать я не хотел. Перспектива стать инвалидом меня, конечно, тоже не радовала, и в плен попадать желания не было, но все другие страхи быстро меркли перед страхом смерти. Смерти от мины.

Взрыв страшной силы прогремел как всегда неожиданно. Кирпичная стена за спинами мотострелков треснула и обрушилась на их головы. Меня оглушило и я, на десяток секунд, потерял ориентацию в замкнутом пространстве красно-серой пыли, забившей мне нос, рот и уши. Ноги, руки, грудь, живот, пах – я потрогал всё, и с радостью отметил, что ничего не болит. Опираясь на остатки стены, я медленно попытался встать на ноги. С четвёртой попытки мне это удалось – шатаясь, я стоял и шальным взглядом рыскал в облаке пыли, пытаюсь понять, что стало с остальными. Все, кто серьёзно не пострадал, не дожидаясь повторных взрывов, выбежали

на улицу.

Перебегать улицу под неконтролируемым обстрелом, то стихающим, то внезапно возобновляющимся, не хочется, и мы до последнего шанса ищем подходящую причину чуть отсидеться и отдохнуть, оттягивая неприятную ситуацию выхода на открытую, насквозь простреливаемую площадку.

Не забегай вперед. Спина – удобная мишень.

Пулемёт противника работал с господствующей высоты, из окна первого этажа красно-кирпичного особняка. Ранее, в два ствола стреляли и со второго этажа, но их уговорили замолчать из гранатомёта. Больше у нас одноразовых гранатомётов не осталось, и мы мирно лежали под сваленными в баррикаду деревьями и ждали затишья. И оно наступило.

Момент попадания снаряда в дом чудовищно красив. Столб стройматериалов метров на десять вверх, кирпичная стена, рассыпающаяся на весь двор, искры и фиолетовые разводы на небе.

Выходим из квартала. Приглушенное эхо взрывов и назойливый треск автоматных очередей становится громче, а значит и ближе.

Я боюсь пошевелиться и застываю, с трудом сдерживая дыхание. Пульс отдаётся в ушах и сотрясает всё моё, быстро покрывшееся мелкой испариной. Сердце бьётся так громко, что, кажется, выдаст меня своим грохотом.

Площадь перед домом покрывалась разрывами. Содрогавшийся воздух бил в барабанные перепонки. В многостра-

дальнюю заднюю стену со звоном ударил крупный осколок. Миномёты перепахивали площадь ещё минут пять.

Нельзя забегать вперед, нельзя отставать: на звук – выстрел, на вспышку – выстрел. Слушать команды, видеть цели, контролировать патроны. Вылетел трассер – значит на подходе последний – быстро на колени – перезарядка – снова вперед: очередь – укрытие, две – укрытие; перебежка – опять очередь – опять укрытие. На трупы не наступать – могут быть с гранатами, сильно не прыгать – можно потерять свои.

Вперед и вверх, но не зарываться, помнить, что угол – опасность, проем – опасность, сначала очередь, потом сам. На открытом месте не тормозить, на ходу не стрелять – все равно не попадешь, а скорость и маневр смажешь. Целиться двумя глазами: один на мушке – второй на макушке, первый работает на атаку, второй на оборону...

Из дома напротив раздаются выстрелы. Боец возле меня хватается за руку и падает. Все тут же пригибаются и начинают стрелять в подъезд пятиэтажки. Я хватаю бойца и волоку его к БМП. Вроде только в руку попали. Повезло.

Граната попадает в окно на первом этаже. Промазал. Вскоре раздается взрыв и из окна вылетают осколки и прочий мусор. На третьем этаже заговорил пулемет – тот самый, по которому я пальнул в первый раз.

Затем я швырнул туда ручную гранату. Возможно, после этого я пошел бы и дальше, но обнаружил, что в автомате у

меня остался один рожок патронов и одна ручная граната. В горячке боя я на это не обратил никакого внимания. Нужно было бежать отсюда, тем более что моя стрельба в самом тылу неприятельских сил наделала переполох. Я же вместо этого, пройдя немного назад, высунулся из-за обрыва и увидел в небольшой ложбине в сотне метров от меня с десятков бойцов противника и открыл по ним огонь.

Время шло, а стрельба не только не стихала, а наоборот, становилась всё сильнее. Автоматные и пулемётные очереди перемежались взрывами мин и снарядов. В подъезде зазвенели стекла. На лестничных площадках, в квартирах стало небезопасно, пули и туда залетали. В стекла окон стали биться птицы, ища у людей защиты и спасения. Огонь был очень плотный. Разрывы мин и снарядов ухали где-то рядом, поражая и пугая своей мощью. Люди без всякого стеснения стали всё теснее прижиматься к полу. Приблизиться к окну никому и в голову не приходило.

Уличный бой – это что-то вроде таёжного бурелома. Не ведаешь, когда, с какого боку и что на тебя свалится – кто, где и откуда стреляет.

И вновь – броском вперёд, а где и ползком, перебежками от дерева к дереву, по ярким цветам и веткам, сбритым осколками и автоматными очередями. Только вперёд! ... Выдержали бы нервы. Самое желанное сейчас – увидеть врага вблизи, тогда всё понятно.

Взрывы гранат, беготня по коридорам, этажам, автомат-

ная трескотня, звон стекла, крики и ругань! Короткая, буквально на миг тишина. И снова оглушительная пальба внутри гулкого здания, топот над головой.

В руках автомат, ноздри раздирает запах пороха, уши закладывает резкий звук разорвавшихся гранат, глаза не успевают моргать от стрекота автоматных очередей и свистящих над головой пуль.

Оставшиеся в живых бойцы рванулись в разные стороны, стараясь занять новые огневые позиции.

Сразу за нами из боя начинают таскать раненных. Привозят полную бэу, шесть человек. Все с пехоты. Почти все срочники. Один обожжен. Просит курить и пить. Прикуриваю сигарету и вставляю ему в губы. С водой сложнее. У второго в руке тонкая щель сантиметров семь длиной. Перебита артерия. Кровь идет сгустками. Запах у неё такой... свежатины, как в мясной лавке. Третьего несут – ноги перебиты. Четвертый... Четвертому здоровый осколок ударил в грудь, рассек ткани и чуть-чуть не дошел до легкого. Огромная зияющая дыра. Красное мясо. Но парень идет сам – в шоке еще – и легкое, кажется, не задето. Повезло.

Раненых уже перевязали более основательно, каждому вручили сигареты и они теперь, блаженно щурясь от солнца и сигаретного дыма с благодарностью смотрели на своих товарищей, которые вытащили их из этого ада. Среди разведчиков, рассеявшихся вдоль забора, то тут, то здесь вспыхивал смех, слышался неестественно громкий разговор лю-

дей, только что перенёсших смертельную опасность. Лица из бледно-землянистого цвета приобрели нормальный цвет и только продолжавшие лихорадочно блестящие глаза, выдавали внутреннее напряжение.

Под стеной школы лежит солдат. Тело вздулось, голова, грудь и плечи от жары стали совсем черные. Запах уже очень тяжел. Хорошо, что сегодня еще ничего не ел.

На соседней улице еще один, рядом с очередным сожженным танком. Голова расколота и на неё надет целлофановый пакет – чтобы не смотреть. В перевернутой рядом каске красно-серое. Неподалеку еще тел пять – их по очереди обыскивает какой-то человек, отвернув голову и зажав нос. Достает документы.

Вокруг воняет гарью. И людским страхом. Там, только там, понимаешь, что у страха есть свой запах.

Я почувствовал, как участился пульс, как изменилось дыхание. Он никуда не бежал, но дыхание, тем не менее, срывалось, как после быстрого подъема по лестнице на двадцатый этаж. Руки начали дрожать. Ладони вспотели.

Стены заходили ходуном – удар за ударом, взрыв за взрывом – посыпалась крошка, загремели фляги, котелки, запрыгали лавки. Вспышки выстрелов заискрились повсюду: веером, снопом, фонтаном огня. Казалось, бетонные плиты не вынесут этой мощи и вот-вот развалятся... Но нет – пока стояли.

Короткими очередями по всем подозрительным кучкам и

воронкам! Автомат дёрнулся и заглох. Надо менять рожок!

Неслышно ступая тяжелыми грязными ботинками по застеленному коврами полу, прикрывая друг друга стволами автоматов, среди обычной обстановки обычного частного дома из комнаты в комнату переходили люди в камуфляже и в набитых боеприпасами разгрузочных жилетах. Чужие лица бесстрастно взирали на них из рамок фотографий, стоящих на комодах и висящих на стенах. Чужие зеркала отражали напряженные, непроизвольно пригибающиеся даже при виде собственных отражений фигуры.

Огромный обугленный остов; уродливые балки и перекрытия, вздымающиеся к черному небу. От седьмого этажа дома уже не было; только маслянистые клубы жирного дыма, поднимающиеся вверх. Нижняя часть коряво скособочилась, просела набок, сжав окна и повыбив оставшиеся стекла. Горы щебня, кирпича, искореженного металла вокруг. Гарь и вонь.

Я осмотрелся. Ничего ценного и интересного. Полупустой шкаф с какими-то тряпками, довольно старое облезлое шагающее трюмо. Я посмотрел на себя в зеркало и поморщился. Вид, как у профессионального бандита, только армейский головной убор резко контрастировал с остальным обликом. Хотя, впрочем, он уже успел прилично запылиться, так что существовал вполне реальный шанс, что и он вскоре гармонично вольется в общую картину.

Скрипя битым стеклом под ногами, шаркая повсеместно

осыпавшейся штукатуркой, наступая на горы щепок, клочков бумаги и всевозможного тряпья, мы прошли лестничную площадку первого и второго этажей, и вошли в квартиру на третьем.

В однокомнатной квартире мебели не было – пустота, всё возможное давно пожгли на дрова, на полу только мусор, горы стреляных гильз. Окна наспех, неаккуратно заложены кирпичом. Здесь явно кто-то был до нас, причём – совсем недавно. Наследил, натоптал и ушёл.

Пробравшись по грудам битого кирпича и щебня, я прошёл внутрь не через двери, а через пролом в стене. Бетонная плита перекрытия между этажами от попадания снаряда в дом рухнула одной стороной вниз, перебив и разрушив все, что было в двух из трех нижних комнат. А вот третья комната была полностью цела.

Два ближних к нам дома разрушены до основания, только фундаменты каменные остались. Были дома – нет домов: здесь, вероятно, авиация наша постаралась; следующие два – с дырами в заборах и со снесёнными воротами, без крыш, без окон и без входных дверей. Там – сто процентов – ничего ценного, тем более – водки, давно нет. Даже несколько молодых деревьев в огородике перед домами снесены и затоптаны бронемашинами. Да, деревья на войне страдают не меньше людей.

Проходим мимо ещё нескольких обстрелянных и поцарапанных домов, сворачиваем влево, в проулок.

Шли молча. От напряжения нарваться на засаду или попасть под обстрел, мой легкомысленный хмель как рукой сняло. Я с опаской думал о будущем.

Через дорогу начинался частный сектор. Несколько раз мне уже приходилась бывать в частном секторе: аккуратные, ровные, добротнo сложенные кирпичные одно и двухэтажные дома, обязательно окружённые высокими двухметровыми каменными или деревянными заборами. Крыши, в основном из нержавеющей стали. Во дворах все хозяйственные постройки просторные и из хорошего стройматериала.

Всё то же самое: двухэтажные дома со снесёнными крышами, выломанными дверьми и выбитыми окнами, сломанные надворные постройки и детская игровая площадка, раскиданные в беспорядке бытовая утварь и обломки стройматериала, железный остов сгоревшего бэтра.

Успокаиваем дыхание, оглядываемся, исследуем открытые взору окрестности, оцениваем оперативную обстановку, нарезаем новые задачи.

Я осмотрелся: кирпичная стена, ровно в мой невысокий рост, за которой мы сбились в кучу, есть наш перевалочный пункт по пути к обозначенной командиром цели. Цель проста – без потерь дойти до углового пятиэтажного дома, выпирающего побитыми стенами на пересечение двух широких улиц.

Несколько часов мы практически не встречали сопротивления и, подавляя отдельные очаги выстрелов, двигались

вперёд довольно быстро, что придавало уверенности в своих силах.

Нашему взводу, к установленному времени, необходимо было продвинуться по одной из улиц до конца нескольких небольших кварталов. Пацаны спешили, бежали за БМПшками и палили по первым этажам и подвалам зданий. Броня бомбила по вторым и третьим этажам. Иногда получалось не плохо.

Я передернул затвор автомата, на предохранитель ставить не стал. Вздохнул, поерзал задом и стал ждать. Жаль, что курить нельзя.

Через пару улиц наша охрана нашла два милых домика. Оба двухэтажные, оба утопали в садах. Война их пощадила, лишь только стёкол не было, а на дверях были видны следы пуль – выбивали замки. Внутри было как во многих домах. Только вот мебели почти не было, зато в подвале мы обнаружили нетронутые запасы вина. Когда попробовали, то долго не могли отплеваться.

Внутри дома все перевёрнуто. Были здесь мародёры. Выключатели выломаны с кусками штукатурки, люстры вырваны с «мясом». Большой части мебели нет. По всему дому раскиданы фотографии, какие-то бумаги, письма. Из всей уцелевшей мебели остался лишь стол на кухне, две табуретки. Для жилья мы выбрали комнату на втором этаже. Из соседних брошенных домов притащили топчаны, диваны, стулья, кое-как подмели, забили окно, чтобы не дуло, сверху

прошлись куском толи.

Смерть. К ней как – то сразу все привыкли. Вполне достаточно было трех – четырех дней. По одному – двум убитым, или раненым товарищам в подразделениях, и на смерть уже никто не реагировал как на нечто из ряда вон выходящее. Убитые походили на нелепых кукол, ни к чему не обязывающих, и не вызывающих особенно каких либо чувств. Своим раненым оказывали посильную помощь без суматохи и истерик. Убитых спокойно переносили на руках, не показывая внутренних содроганий, и не особенно соблюдая какие то обряды.

Лента новостей.

Точное число погибших и раненых не называется; ранее сообщалось о том, что при обстреле позиций российских миротворцев получили ранения три военнослужащих.

На въезде в город кварталы практически целых частных домов чередовались с улицами разнообразие разрушений на которых было невиданным. На одной улице несколько домов сложились. На другой – во дворах лежали просто аккуратные, холмообразные кучи мусора. На третьей – размолоченные в труху останки битого в щебень кирпича разметены ровным слоем, хоть сразу асфальтируй поверху.

Лента новостей.

Возобновились бои по всему полуострову. Танковые и моторизованные части украинской армии при поддержке авиации движутся в сторону Ялты и Джанкоя. Корабли Украинского ЧФ обстреливают позиции бандформирований.

Вскоре мы вышли на окраину. За несколькими рядами домов виднелось заросшее высоким кустарником поле. Вот и нужная нам дорога. Старый асфальт был изрезан многочисленными бугорками и трещинами, сквозь которые пробивались к здешнему солнцу зеленые побеги травы.

Бомба разорвалась на пустыре, за городом. После нескольких сбитых самолётов, неприятельские пилоты стали бомбить с большой высоты. Бомбёжка получается "слепой", но безопасной. Здесь уже дело случая: может попасть в цель, а может, и нет. На этот раз нам повезло. Сирена, паника, гул, взрыв.

Все дело сводится к одному: либо ты стреляешь, либо в тебя. Кто не хочет ни в кого стрелять, пусть приготовится к тому, что игра пойдет в одни ворота.

Я не собирался оправдываться и уж тем более производить на кого бы то ни было благоприятное впечатление.

Забыли, забыли вы один нюанс. Ведь война же. И дело не в том, что она все спишет. Действительно спишет, будьте спокойны.

На войне люди часто погибают. Можно схлопотать случайную пулю. Можно нарваться на «растяжку». Мало ли мин понатыкано кругом? В общем, всегда можно списать на несчастный случай.

Лента новостей.

Украинские СМИ: Российские самолеты бомбят позиции украинских войск

Российские самолеты бомбят позиции украинских войск в Севастополе, сообщают Украинские СМИ. Как минимум пять украинских военных получили ранения. О погибших не сообщается.

Тысячи беженцев устремились в направлении Симферополя. Во время этого исхода, проходившего в очень плохих погодных условиях, произошло несколько инцидентов, когда украинцы обстреливали колонны из артиллерии и крупнокалиберных пулеметов.

Лента новостей.

По неофициальным данным, правительство Украины проводит частичную мобилизацию резервистов в возрасте до 30 лет. Ответственный представитель подтвердил, что в районах южнее и западнее Киева разворачиваются снятые с консервации устаревшие

зенитно-ракетные комплексы С-75 и С-125. Тот же источник утверждает, что несколько десятков отставных офицеров ракетных войск и авиации, этнических украинцев по происхождению, приехали в Севастополь различных постсоветских государств.

Наши новые системы оружия уничтожат базы украинской армии. Украина – не Сербия и не Чечня, долгих бомбардировок не выдержит.

Противник располагал многочисленными наземными войсками, но слабыми авиацией и средствами ПВО, а флота практически не имел вовсе. После мобилизации численность украинской армии достигла примерно 600 тысяч, еще 150 тысяч составляли полицейские части. Авиация насчитывала свыше 500 истребителей и истребителей-бомбардировщиков Су-27.

Чистая победа в украинской операции едва не была упущена, потому что политические лидеры оказались не готовы пойти до конца. Боязнь политиков развернуть наступление на сухопутном фронте едва не обернулась профессиональным позором для всего военного руководства России. Политические лидеры должны понять: чем больше сил мы задействуем, тем убедительнее окажется демонстрация нашей мощи и нашей решимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.